

Кравченко С. А.

РИСКИ И ВЫЗОВЫ ЕДЫ: НЕОБХОДИМОСТЬ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ БИОПОЛИТИКИ

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 14-03-00710

Кравченко Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО-Университет МИД РФ).
Россия, Москва, 119454, проспект Вернадского, 76.
Главный научный сотрудник Института социологии РАН.
Россия, Москва, 117218, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5.
E-mail: sociol17@yandex.ru
Тел.: +7 (495) 434 94 26

Аннотация. В статье рассматриваются современные риски и вызовы еды. По мнению автора, своими корнями они уходят в либеральную биополитику, зародившуюся в Европе ещё в XVII веке и основанную на принципах сциентизма, формального рационализма, прагматизма и меркантилизма. В конце прошлого столетия в этой политике происходят существенные изменения, касающиеся её характера – она становится глобально-сетевой и неолиберальной. Данные трансформации лишь усугубили риски и вызовы еды, ибо отныне принципы сциентизма, рационализма, прагматизма и меркантилизма стали реализовываться в мировом масштабе, порождая глобальные социальные неравенства, способствуя социоприродным турбулентностям, в частности, за счёт увеличения производства генно-модифицированных продуктов питания. Выход из сложившегося системного кризиса питания автор видит не в «лечении» нынешней глобо-сетевой биополитики неолиберального толка, а в переходе к гуманистической биополитике, что позволит эффективно управлять глобальными рисками питания в контексте солидарного развития стран и цивилизаций.

Ключевые слова: биополитика, биополитическая практика, глобальный агробизнес, генно-модифицированные культуры, открытость, еда, риски, биоэтика, гуманистическая биополитика.

11 марта 2014 года прошло расширенное заседание Президиума РАН, посвящённое интегральному проекту солидарного развития на Евро-Азиатском континенте. В докладе, сделанном В. И. Якуниным, было предложено создать трансевразийский пояс развития – зону опережающего развития на базе современных технологий. «Это проект межгосударственный, междивизиационный, – отметил докладчик. – Он должен стать альтернативой текущей (неолиберальной) модели, которая стала причиной системного кризиса». Данный проект предполагает не только инновационные подходы к геополитике, но, по нашему убеждению, предоставляет реальные возможности замены неолиберальной биополитики на биополитику гуманистическую.

О природе биополитики и её практиках

В русском языке понятие «биополитика» используется, как минимум, в двух основных смыслах: 1) научные подходы, направления биополитических исследований, что в англоязычной литературе обозначается термином «*biopolitics*»; 2) политические практики, основанные на администрировании жизни и смерти, регулировании уровня потребления продуктов питания, использования властями продовольственных ресурсов в тех или иных политических целях, что имело место задолго до появления самого термина, а также практическое применение в жизнь положений и идей биополитических исследований, что обозначается термином «*biopolicy*».

Представляется, что смешение весьма разных смыслов в одном термине сегодня становится некорректным в научном плане. Поэтому здесь и далее под понятием «биополитика» (*biopolitics*) мы будем иметь в виду, прежде всего, научные подходы и направления биополитических исследований, которые в принципе невозможно отделить от жизненных реалий. А под «биополитической практикой» (*biopolicy*) будем понимать прикладные аспекты биополитических подходов и направлений, связанных, как правило, с *регулированием еды, образа жизни в целом*, прежде всего, со стороны правящей элиты.

В научной литературе есть немало разночтений по поводу *времени рождения* биополитики и её *гносеологических корней*. Как считает А. В. Олескин, «биополитика представляет собой своего рода “кентавра” с биологическим туловищем и политической головой. На базе биологических данных и концепций и в особенности исследований биосоциальных систем она стремится подойти к анализу проблем политики. Это направление исторически сложилось в 60-е годы XX века в недрах американской *политологии – науки об управлении государством, т. е. науки о политической системе общества*» [Олескин, 2001: 11]. При этом автор ссылается на работы Л. Колдуэлла и А. Сомита, вышедшие в свет в 1964 и 1968 гг. соответственно, добавляя, что «первые доклады по биополитике прозвучали на Конгрессе Южной Ассоциации политических наук (США) в 1967 г.» [Олескин, 2001: 22].

По нашему мнению, это лишь *одно из ряда* направлений биополитики, часто именуемое «биополитологией». Теоретические же истоки многообразной биополитики значительно шире. Так, ещё во второй половине XIX века Ф. Ницше и А. Бергсон в рамках *философии жизни*, хотя и не использовали сам термин биополитика, по существу, рассматривали жизнь через призму процессов рационализации, цивилизации, индустриализации, поставив под вопрос

рационализм и сциентизм. Они выдвинули идеи о «сверхчеловеке», о человеке как «не установившемся животном», «воли к власти». Одним из первых, кто в 20-е годы прошлого столетия предложил развёрнутую концепцию биополитики как «специальную научную дисциплину», был шведский учёный Р. Челлен. По его мнению, предметом биополитики является борьба и сотрудничество, напряжение между социальными группами за существование, развитие, жизненные блага. Одним из акторов этой борьбы / сотрудничества ему виделось государство [Kjellén, 1924].

Практически в то же время иную концепцию биополитики выдвинули представители национал-социализма, которые развивали идею о том, что субъектами истории являются не индивиды, социальные группы и классы, а закрытые сообщества с общим генетическим наследием. При этом они исходили из того, что биологические параметры человека можно модифицировать и контролировать. В теоретическом плане эта ветвь биополитики основывалась на интерпретируемых определённым образом данных биологии, геополитики и идеях расизма [Reiter, 1939].

В 60-е – 70-е годы прошлого века появилось сразу несколько разновидностей биополитики: экологическая биополитика, технологическая биополитика и биополитология. Зарождение и развитие *экологической биополитики* стимулировали исследования Римского клуба – международной организации, созданной с целью изучения глобальных проблем современности, их последствий для судеб человечества [Тинберген, 1980; Лейбин, 1980; Печчеи, 1985; Meadows, Meadows, Randers, 1992]. Предметом исследования *технологической биополитики* стали генетические и репродуктивные технологии в контексте биоэтики. Её представители особенно ратуют за этическое регулирование биотехнологических инноваций [Anderson, 1987; DeVries, Subedi, 1998]. Представители *биополитологии* нацелены на изучение возможностей разработки теории государства, способного оптимально удовлетворять потребности человека как биологического, социального и культурного существа [Blank, Hines, 2001]. Но, пожалуй, доминирующая теория либеральной биополитики связана с именем М. Фуко, труды которого дали толчок к обоснованию самых разных современных биополитических подходов – с ними можно познакомиться в исследовании Т. Лемке [Lemke, 2011].

Как считает М. Фуко, регулирование потребления продуктов питания имеет глубокие исторические корни. Ещё в Древней Греции в контексте той культуры от свободных людей требовалась умеренность, разумность и рациональность в еде, что рассматривалось как рациональная предрасположенность принимать участие в дискуссиях по *разумному* управлению городом. Биополитика в либеральной форме зарождается значительно позже. Основной её смысл состоит в том, что она обозначает специфическую *современную форму реализации политической власти через государство*, исходя из того, что *жизнь* начинает рассматриваться как его приоритетный интерес. Она предполагает новые формы политического знания-истины о жизни и живых существах, по существу, выполняющего *функ-*

ции власти, что знаменует собой фундаментальную трансформацию в сфере политики в целом — «ту новую рациональность управления, названную государственными интересами, которая в целом конституировалась на протяжении XVI века». До этого существовала власть суверена, основанная на изъятии продуктов (оброк) и услуг (барщина), взамен чего он «должен помочь своим подданным спастись в загробном мире», а также осуществлял им определённое покровительство. Отныне же, «начиная с XVI века, а главным образом с начала XVII века начинает развиваться новая правительственная рациональность», суть которой в том, что «государство существует только для себя самого и по отношению к самому к себе» [Фуко, 2010: 17, 21].

Смысл биополитики состоит также и в том, что она является специфическим *искусством управления*, опирающегося на *либеральные формы* социального регулирования и контроля человеческой жизни. Как пишет М. Фуко, — «чтобы люди смогли жить, — нужно ещё, чтобы они могли прокормиться, чтобы они могли обеспечить себе пропитание, чтобы у них была общественная организация [и] чтобы они могли обмениваться между собой или с людьми других регионов продуктами» [Фуко, 2010: 80]. Либеральный режим был порождён увеличением сельскохозяйственного производства, индустриализацией, медикализацией, производством *научного знания* о человеческом теле и его потребностях. С одной стороны, это открывает перспективы для новых индивидуальных свобод, однако с другой — администрирование препятствует этому процессу, прежде всего, посредством императива *заботы о безопасности* жизни и тела. «При либеральном искусстве управлять свобода действия предполагается, провозглашается, она необходима, она служит регулятором, но нужно ещё, чтобы её производили и чтобы её организовывали... Свобода — это то, что изготавливается ежечасно. Либерализм — это не то, что принимает свободу. Либерализм — это то, что предполагает её ежечасное изготовление, порождение, производство и, разумеется, [систему] принуждений» [Фуко, 2010: 88].

Принципиальную разницу между политикой суверена и либеральной биополитикой Фуко в концентрированной форме выражает следующим образом: «В прежней политической системе суверенитета между правителем и подданным существовала целая серия юридических и экономических отношений, которые побуждали и даже обязывали правителя защищать подданного. Однако эта защита была, так сказать, внешней. Подданный мог просить своего правителя защитить его от внешнего или внутреннего врага. В случае либерализма всё по-другому. Теперь обеспечивается не просто внешняя защита самого индивида. Либерализм порождается механизмом, который

будет ежечасно судить о свободе и безопасности индивида, опираясь на понятие опасности... Можно сказать, что, в конце концов, девиз либерализма — “жить опасно”. Возникает «политическая культура опасности», что проявляется в стимулировании «полицейской литературы», интереса к преступлениям, кампаний, касающихся здоровья, питания, гигиены человека — «без культуры опасности нет либерализма» [Фуко, 2010: 89–90].

Биополитическая власть немислима без *технологий контроля, сдерживания, принуждения*, необходимых-де ради минимизации всевозможных опасностей. Социолог выделяет две основные формы биополитической власти: 1) воздействие на тело индивида с помощью *дисциплинарной технологии* с целью достижения большего повиновения; 2) *контроль* за «социальным телом» *всего* населения.

Биополитическое администрирование, проявляя заботу о безопасности жизни и тела, по существу, навязывает людям «нормальное» питание и минимизирует то, которое считается «нездоровым», «недостойным существования». При этом посредством научного знания-истины осуществляется всеобщий контроль, реализуется биополитическая стратегия, прежде всего, посредством медицины за нашей телесностью.

Становление глобо-сетевой биополитики неолиберального толка

Со времён М. Фуко произошли существенные изменения в биополитике, которые в первую очередь касаются её *характера* — она становится *глобально-сетевой и неолиберальной*. С одной стороны, как считает М. Кастельс, она способствует зарождению и развитию «новой формы общества, сетевого общества... Глобальные сети включают одних людей и территории и исключают другие» [Castells, 2010: XVII]. С другой же — переход от либеральной к неолиберальной биополитике знаменовался отказом от ранее деклариовавшихся идеалов «государства всеобщего благоденствия», социального страхования при сохранении прежних принципов *сциентизма, рационализма, прагматизма и меркантилизма*, которые теперь выходят за рамки нации-государства и реализуются в мировом масштабе. На глобальном уровне произошла «зелёная» революция, результатом которой стало резкое увеличение производства разнообразных продуктов земледелия и животноводства благодаря использованию новейших био-, медико- и информационных технологий [Lyson, 2004]. Возник *глобальный агробизнес*, функционирующий на основе сочетания сетевых и уже неолиберальных принципов. Он, по существу, олицетворяет *глобально-сетевую биополитику неолиберального толка*, администрирующую производство еды во взаимозависимом мире: на Севере доминируют структуры фабричного типа, на Юге же они практически исключены — там функционирует во многом традиционное производство. При этом, как отмечает американский социолог Дж. Ритцер, «увеличивается глобальное

неравенство (Север имеет тенденцию устанавливать стандарты, которым Юг должен следовать)» [Ritzer, 2011: 280]. В частности, структуры стран Юга побуждаются производить фрукты и овощи, предназначенные главным образом для потребителей на Севере, что, конечно, несёт определённые социо-экономические приобретения, отягощённые, однако, *дисфункциональностями* для местного сельского хозяйства — сокращается производство и потребление собственных традиционных продуктов. Но главное — под влиянием *меркантильной рефлексии* на новые биотехнологии традиционные сорта пшеницы, кукурузы, риса, картофеля стали вытесняться более «рациональными» и «эффективными» *генно-модифицированными культурами*. Аналогичные меркантильные био- и медикотехнологии пришли и в животноводство, где получили распространение всевозможные стимуляторы веса и роста скота. Кроме того, погоня глобального агробизнеса за сверхприбылями диктует использование разного рода «рациональных» *добавок*, включая искусственно созданные, в конечный продукт. И, наконец, отметим, что глобальный агробизнес контролирует и администрирует мировое «пространство потоков» [Castells, 2010: XXXII] еды, обеспечивая её доставку во все страны.

Естественно, глобо-сетевая биополитика порождает социокультурные травмы на национально-локальном уровне, сталкиваясь с которыми люди прибегают к разным стратегиям их преодоления. Их суть можно понять в контексте методологии Р. Мертонa [Мертон, 2006]: *инновационные стратегии*, предполагающие, что акторы принимают системные изменения питания как данность, пытаясь обустроить свою жизнь по-новому (бум новой еды, освоение мультиэтнических кухонь); *ретреатизм* — уход от травмы в пассивное отношение к увеличивающемуся разнообразию еды; *ритуализм* — обретение уверенности через возврат к традиционным образцам питания; *«бунт»*: отрицание нынешнего положения с навязыванием генно-модифицированных продуктов и выступление за переход к принципиально новой диете — вкусной и здоровой пище, выращенной на «экологически дружественной почве».

Разумеется, остановить движение к сложному, глобо-сетевому социуму, запретить или вообще отказаться от инноваций в еде невозможно. Очевидно, сегодня одним из значимых *индикаторов инноваций* питания должен стать *гуманистический критерий сохранения и приумножения человеческого капитала* и прежде всего — здоровья населения. Россия располагает и неосвоенными, экологически чистыми природными ресурсами, и необходимым техническим и интеллектуальным потенциалом чтобы солидарно с другими народами по-новому подойти к проблематике производства качественной еды.

В новейшее время появились сторонники новых подходов к биополитике, помещающих проблематику еды и здоровья в центр своего предметного поля. При этом данные направления в той или иной степени учитывают достижения этологии (научного направления, изучающего поведение живых существ), экологии, социобиологии, генетики, иммунологии, нейрофизиологии и других наук [Coveney, 2014]. Более того, в биополитике появились *гуманистически ориентированные* направления, опирающиеся на достижения биоэтики. Это внушает оптимизм, несмотря на появление принципиально новых рискованных реалий «*мирового общества риска*» [Beck, 2010], естественно, создающих новые проблемы для питания современного человека.

Нетрудно заметить, что на содержание направлений биополитики влияет множество факторов: характер рациональности в контексте с другими типами рациональности, условия производства и доставки еды населению, её количество и качество, достижения науки в совокупности с ненамеренными последствиями, внутренние и внешние опасности, а самое главное – доминирующая культура власти, её ценностные и идейные ориентации. Подчеркнём: биополитика в целом не сводится к проблематике еды, она шире – в её центре находится человеческая жизнь, но пища является первоосновой её функционирования. Биополитика подвержена изменениям и, по нашему убеждению, на смену неолиберальной биополитике должна прийти *гуманистическая биополитика*, основанная на гуманистической теории сложности [Кравченко, 2012].

Вызовы открытости: амбивалентные последствия для питания россиян

Английский философ и социолог К. Поппер показал, что историческое развитие человеческой цивилизации идёт по пути перехода от закрытого общества, жёстко регламентировавшего все стороны жизни людей, к обществу открытому, создающему условия для развития индивидуальных свобод человека, его критических способностей, что, в конечном счёте, позволяет рационализировать и общественные отношения, и взаимодействие человека с природой [Поппер, 1992]. По существу, идеологи либерализма рассматривают открытость социума как «универсальную» ценность для всего человечества.

Движение к открытости в России XI – XVII вв. шло медленно – характер питания почти не изменялся. Коллективный приём пищи и трапеза доминировали вплоть до XVIII века, что соответствовало соборности русской ментальности. Изначально в древнерусской кухне, как правило, каждое блюдо было основано на одном продукте. Только представители высоких сословий позволяли себе добавки в супы, рассольники, доставляемые из-за границы (лимоны, маслины) [Сохань, 2011]. Тем не менее, в своей истории Россия пережила *несколько открытостей социума*, каждая из которых оказала воздействие на своеобразие нашего питания, неся вызовы для жизнедеятельности россиян.

Пожалуй, первая из них связана с реформами Петра I, нацеленными на «открытие окна» в Европу, что в историческом контексте совпало со становлением биополитики в европейских странах. В России стали появляться повара из Голландии, Германии, а затем и Франции. Законодателем инноваций в питании стал Петербург, где на великосветских обедах подавались соусы, муссы, суфле, компоты, котлеты, приготовленные по рецептам французской кухни [Лотман, Погосян, 2006], которые затем постепенно вошли в повседневную жизнь россиян. Изменились и технологии приготовления блюд: салат в виде нарезанного монопродукта уступает место возможным сочетаниям ряда овощей, что специфично для французской кухни, кастрюли вытесняют чугунки и горшки, появляются также мясорубки и дуршлаг [Похлебкин, 2002].

Как видно, «окно» в Европу сделало питание более разнообразным, но на начальном этапе это в основном коснулось представителей высших сословий, которые стали пренебрежительно относиться к исконно русской кухне. Подавляющее же большинство россиян сохранило верность кулинарным традициям – желание *не ломать* данное природой свойство еды. До сих пор картофель «в мундире» с крупно порезанной селедкой подаются к столу россиян.

Вторая открытость относится к концу XIX – началу XX вв., когда всё больше сказывалось влияние западноевропейских традиций. В рационе питания стали появляться всё новые иностранные блюда. В социальном плане расширился доступ не только к сытной, но и вкусной пище.

Очередная открытость связана с революциями 1917 года и несколько запоздалым переходом к биополитике. В отличие от либеральной, особенностью пролетарской биополитики была её нацеленность на *непосредственный общественный контроль за телом* и, соответственно, питанием советского человека. В идейном плане активно вводимое администрирование «социальной справедливости» конкретно выразилось в революционной замене частной кухни общественной, а также обосновании интернационализации питания, что предполагало включение в рацион питания блюд из национальных кухонь союзных республик. Однако, по большому счёту, пролетарская биополитика мало чем отличалась от либеральной, о чём свидетельствует «Книга о вкусной и здоровой пище»: делался тот же акцент на медицинский дискурс «нормального» питания как необходимый набор питательных веществ для функционирования организма, рациональную сбалансированность продуктов и ингредиентов, гигиену приготовления блюд, меркантильность в виде скромности вкусовых притязаний советского человека – ориентация на продукты, производимые внутри страны.

В постсталинский период, совпавший с образованием «мировой социалистической системы», биополитика была скорректирована: декларировалось «изобилие» продуктов, но в коммунистическом будущем; рациональность значительно расширилась — стали производиться стандартизированные полуфабрикаты, различные консервы, позволявшие делать определённые запасы на период «временных» перебоев, которые включали тушёнку, мясные голубцы, кильку в томатном соусе, горбушу в собственном соку, шпроты, сайру и сардины в масле, стужённое молоко, кофе, какао, а также всеми любимейший «универсальный» соус — майонез. Контроль стал мягче по форме — наряду с общепитом признавалась роль домашней кухни, функционирование которой опосредовано администрировалось через первые формировавшиеся бренды, коды сигнификации которых утверждали, что советское (интернационально-многонациональное) — значит лучшее: советское шампанское, шоколадное эскимо на палочке, колбасные изделия Микояновского мясокомбината, прибалтийские сыры, столичная и московская водка, армянский коньяк, грузинские и крымские вина, жигулёвское пиво. Под эгидой государственного планирования формировалась взаимозависимость союзных республик в сфере производства и поставок продуктов питания. В крупных городах страны были открыты кафе и рестораны, представлявшие кухни союзных республик, а также стран «социалистической системы», чьё производство продуктов во многом было ориентировано на советский рынок. Монголия поставляла мясо, Болгария, Венгрия, Румыния — птицу, фрукты и овощи в натуральном и консервированном виде, алкогольные напитки, Куба — цитрусовые, бананы и, конечно, брендовый кубинский ром, что увеличивало разнообразие продуктов для советских людей, а также приводило к взаимообогащению национальных кухонь. При всём том, биополитика сохраняла достаточно жёсткий контроль за общей нормой потребления советских людей посредством поясов снабжения регионов, «предварительных заказов», талоны на которые распределялись по предприятиям, организации «гастрономического туризма» в столицу и крупные города. Кроме того, «социальная справедливость» предполагала дополнительные продуктовые пайки ветеранам партии, участникам Великой отечественной войны, многодетным семьям. При этом сохранялся «железный занавес», особенно на импортные продукты с Запада. Он чуть-чуть приподнимался накануне советских праздников, и тогда на столе трудящихся появлялись кроме цитрусовых и бананов растворимый кофе и даже финский сервелат, водка, настоящая на разных ягодах. Непосредственным проводником в жизнь советской биополитики была номенклатура [Восленский, 1991], имевшая прямой доступ к продуктовым благам, что функционально было сродни праву феодала на первый урожай и резко контрастировало с декларировавшимся принципом социальной справедливости.

Наконец, в 90-е годы прошлого века Россия превратилась в действительно открытое общество и независимо от нашего желания движется к ещё большей открытости уже открытого социума. Восторжествовала *неолиберальная биополитика*.

тика, первым шагом которой был отказ от принципов социальной справедливости, прямого контроля питания посредством талонов, дотаций столовых и т. д., что повлекло ломку культуры советской еды и сопутствующие травмы – последствия голого прагматизма и меркантилизма ощутили миллионы россиян. Первое десятилетие открытости было особенно болезненным в силу того, что она породила *закрытости и анклавности нового типа*. Одной из значимых причин возникшего резкого продовольственного дефицита был, по существу, переход к *закрытости, свёртыванию* отношений между бывшими странами «социалистической системы». Аналогичное касается отношений между бывшими союзными республиками, ставшими самостоятельными государствами. Идеалы открытости в виде вступления в мировой рынок не могли реализоваться моментально внутри страны, что наиболее рельефно проявилось в сфере производства продуктов питания. Приватизация колхозной и совхозной собственности означала не переход к желанному «универсально-эффективному» фермерству западного типа, а взрыв дисфункциональности прежнего типа хозяйствования. Образовавшуюся нишу пришлось замещать импортными продуктами самого низкого качества. При пустых полках магазинов тогда мало кто думал о рисках генно-модифицированной еды, суррогатного алкоголя, открыто продававшегося и в больших магазинах, и палатках. Практически не поднимался вопрос об *отложенных рисках неолиберальной биополитики для стратегических интересов страны*, её продовольственной безопасности в контексте воспроизводства человеческого капитала.

К началу третьего тысячелетия в России утвердилась глобально-сетевая биополитика неолибералистского типа, *принуждающая* к производству, приобретению и потреблению *заданных* продуктов питания в интересах глобального агробизнеса. На фоне глубокого продовольственного дефицита предшествующего десятилетия данная политика дала определённые результаты. Российские акторы агробизнеса вошли в мировые сетевые отношения, включающие наши контакты со странами Юга и Севера, последствия чего, однако, носят *амбивалентный характер*. На прилавках магазинов круглый год продаются выращенные на Юге «молодой» картофель, красные помидоры, яблоки без червоточинки, клубника и другие ягоды, но все знают и чувствуют, что это *продукты-чужаки*: они пришли в нашу повседневность, мы их терпим, хотя не можем окончательно принять в свою культуру – нет аутентичного вкуса и запаха. Производство собственно *своих продуктов* стало ограничиваться *сужающимся* пространством и продолжает носить сезонно-климатический характер. Благодаря биотехнологиям, успешно внедрённым в рыбозаводные заводы, даже осетрина стала доступной. Но это уже *осетрина-чужак*, отличающаяся

от прежней каспийской своей неестественной белёсостью. По оценке академика РАН Г. Матишева, известного специалиста по рыбному хозяйству, «поднять осетровые на Каспии и Азове уже невозможно» [Губарев, 2014].

Побочным эффектом открытости и глобо-сетевой биополитики неолиберального толка стала невиданная ранее дифференциация еды на свою и чужую. Возникла *иерархия еды*, прежде всего, по критерию её *экологической чистоты*. Теперь колбасы, пельмени, паштеты, конфеты, сыр, мороженое, кисломолочные продукты и т. д. «без сои» резко подскочили вверх не только по цене, но и по ступенькам новой иерархической лестницы питания. При этом нет никакой уверенности, что в них отсутствуют *другие* добавки – в стране практически отсутствует маркировка продуктов, содержащих генетически изменённые организмы. Разумеется, проблема иерархизации еды состоит не столько в её визуальных и вкусовых качествах, сколько в *потенциально возможном* дисфункциональном воздействии на человеческий организм, его пищеварительную и иммунную системы, на что, естественно, акторы-потребители еды соответствующим образом рефлексируют. Чтобы минимизировать эти, подчеркнём, *рукотворные риски*, созданные людьми буквально за последние десятилетия, другие люди – учёные всего мира работают по целому ряду направлений и, в частности, над проблематикой генного контроля еды в рамках новой научной дисциплины иммунологии (в России Институт иммунологии создан в 1983 году).

Нетрудно заметить, что результатом глобо-сетевой неолиберальной биополитики стали, с одной стороны, несомненные достижения в *количественном* производстве *разнообразных* продуктов питания, их *доступность* практически в любой точке планеты и во «вневременном времени» [Castells, 2010: XL] – т. е. *круглогодично*. С другой стороны – возникли риски в виде *мирового дефицита экологически чистой еды*.

Какова результирующая составляющая этих процессов? Проблем в виде явных и латентных последствий открытости и глобо-сетевой биополитики для России много. Главными из них, как нам представляется, являются три: 1) современные акторы-производители еды обладают огромным, увеличивающимся знанием, которое, как известно, является «силой», но *без гуманистической направленности, без собственно биоэтики* оно противостоит культуре здорового питания и даже разрушает её; 2) нет осознания того, что мы имеем дело с реалиями сложного социума, из чего следует, что не могут быть эффективными простые, административные решения по принципам биополитики неолиберального типа; 3) очевидно, пришло время критически проанализировать роль *глобо-сетевой биополитики неолиберального толка для стратегических интересов страны*, её продовольственной безопасности в контексте воспроизводства человеческого капитала.

Во всех этих примерах открытость становится фактором усложнения социума. При этом она амбивалентно влияет на функциональность людей. Ликвидировать и минимизировать эти эффекты возможно лишь при переходе к гуманистической биополитике.

Современные риски еды

Современные риски еды можно условно разделить на две большие группы.

Первую группу составляют *традиционные риски*, обусловленные *внешними угрозами* (погодные условия, создающие неопределённости для урожая), заставляющие *делать тот или иной выбор, принимать решение* из ряда альтернатив: положиться на удачливый год и все ресурсы вложить в посевную кампанию или исходить из вероятности плохой погоды и, соответственно, осуществить закупки продовольствия за рубежом, провести дополнительные мероприятия, минимизирующие негативное воздействие климата и т. д.

Вторая группа — *рукотворные риски*, т. е. риски, вызванные научно-технической, экономической, политической и иной активностью человека, включая усложняющееся производство еды. Примером таких рисков, в частности, является создание генетически изменённых сортов растений, которые весьма стойки к турбулентности климата, сорнякам, «вредителям» собранного урожая. В его основе лежит рациональный выбор, опирающийся на научный потенциал *нашего времени*. В краткосрочной перспективе этот выбор, несомненно, принесёт блага — позволит получить ожидаемый урожай и сохранить его. Однако рукотворным рискам, как правило, сопутствуют *отложенные риски* — в долгосрочной перспективе их *ненамеренными последствиями* может стать появление новых сорняков и «вредителей». К последним относятся возможные негативные воздействия на пищеварительную или иммунную систему человека. Это могут быть риски загрязнения почвы трансгенными организмами. Кроме того, мы не случайно подчеркнули, что рукотворные риски соотносятся с научным потенциалом *конкретного времени*. Как и все реалии *становящегося* сложного социума, научное знание подвержено эффекту «стрелы времени» (И. Пригожин) — быстро меняется и усложняется. Э. Гидденс приводит конкретный пример динамики научной трактовки красного вина. Не так давно, как и другие алкогольные напитки, красное вино считалось вредным для здоровья. В ходе дальнейших научных исследований выяснилось, что употребление красного вина в разумных дозах является профилактикой сердечных болезней. Затем было установлено, что такими же защитными средствами обладает любой алкоголь, но только для лиц старше сорока лет. И никто не может с уверенностью сказать, какими будут следующие выводы учёных [Гидденс, 2004: 48].

К рукотворным рискам относится и переход к принципиально новой хозяйственно-экономической деятельности. Глобо-сетевой агробизнес не только взламывает национальные границы, но и *разрывает*

сложившиеся структуры и функции национально-локального производства еды. Эти риски создают ещё более сложные риски национальной продовольственной безопасности, а также риски сложившейся жизнедеятельности людей, прежде занимавшихся сельскохозяйственным производством. И, пожалуй, главное — этим рискам сопутствуют *парадоксальные реалии*, т. е. неожиданно возникающие явления, которые не характерны для традиционной и даже для индустриальной цивилизации. В них социальные изменения происходили весьма медленно, чему способствовало в целом *линейное* развитие. Типичные парадоксальные явления появляются лишь тогда, когда возникает сочетание *как внешних, так и внутренних, имманентных причин* общественных изменений. Нынешние разрывы национально-локального производства еды, как правило, происходят под влиянием презумпции имманентной логики развития, нелинейности, что и придаёт им парадоксальный характер. В свою очередь, сами разрывы производят *эмерджентно возникающие ситуации* с новыми неопределённостями, основанными на дихотомии реальной возможности и действительности, которая, в конечном счёте, зависит от принятого людьми решения, характера выбранного пути деятельности, т. е. их риска.

Отметим некоторые факторы и особенности разрывов национально-локального производства еды. *Во-первых*, глобо-сетевой агробизнес порождает реалии, индифферентные к национально-государственным границам, способствующие взаимосвязанности и взаимозависимости государств, где бы они территориально ни находились. Собственно национальное производство еды *подвергается ранее неизвестным вызовам*, ибо прежние границы культур и стран утрачивают охранительные функции, становятся всё более и более проницаемыми в процессе «переливов» капитала, технологий, продукций, человеческих ресурсов, культурных образцов и практик — отмечает У. Бек [Бек, 2008: 685]. Для мирового рынка практически не функционируют национальные границы. «Страны утратили большую часть своего прежнего суверенитета, а политики — большинство возможностей влиять на события» — вторит Э. Гидденс [Гидденс, 2004: 25]. Возникает необходимость рефлексии относительно этих новых космополитических реалий, затрагивающих экзистенциальные основы существования людей: их ценности, повседневную жизнь, социальный порядок, что, естественно, порождает риски, *требует* осуществления выбора из целого ряда возможных альтернатив. Но в этих альтернативах объективно уменьшена *традиционная гуманистическая* составляющая, ценностное содержание которой определяется национальной культурой и «прежним суверенитетом».

Во-вторых, национально-локальное производство еды всё более подвержено влиянию эффекта *точки бифуркации*, который в условиях сложного социума практически становится «нормой» как весьма распространённое явление. В точке бифуркации разрывы социума происходят под влиянием даже малозначительных воздействий — так называемого «эффекта бабочки» (1959 год — американская выставка в Москве, на которой советские люди впервые познакомились с ко-

ка-колой). При этом перед структурой открываются возможности выбора альтернативного варианта своего будущего, который осуществляет сама структура, как бы проявляя свою «самостоятельную волю». Как мы теперь знаем, выбор был сделан в пользу зарубежных напитков, что, соответственно, означало свёртывание производства национальных — сидра, кваса, морса, соков.

В-третьих, разрывы проявляются в размывании феномена *исторической преемственности* производства национальных продуктов питания. В частности, её практически нет в развитии новых биотехнологий: генетически изменённые растения, домашние животные, искусственно выращенная рыба просто не имеют аналогов в прошлом. Своим возникновением они, скорее всего, обязаны «вдруг-событиям» (Ж. Деррида). Нет исторической преемственности между природой и теми реалиями, которые олицетворяют собой, по словам Э. Гидденса, «конец природы» — ныне миллионы гектаров посевных площадей в самых разных странах отводятся под генетически изменённые культуры, включая злаки, картофель, сою, хлопок. В этом контексте появляются особые *риски дегуманизации* как природы, так и социума — уничтожается «экологически дружественная почва», на которой возникло и развивалось человечество. Существующий тип биополитики неolibерального толка в этом случае исключительно полагается на принципы сциентизма, формального рационализма, прагматизма и меркантилизма. Это отложенные риски, предполагающие *вероятность самого невероятного*: они могут нести угрозы функциональности человека, его будущего, не только как разумного, но и *гуманного* существа.

В-четвёртых, разрывы проявляются и в том смысле, что образуемое под эгидой глобо-сетового агробизнеса производство продуктов питания характеризуется «отсутствием направляющего начала» [Моисеев, 1999]: оно может принимать любые конфигурации, развиваться в разных пространственных и временных координатах. В связи с этим можно говорить о специфических *рисках будущего конкретных продуктов*, ибо случайность, экономическая и политическая неустойчивость, по существу, является нормой в сложном социуме.

Таким образом, природа современных рисков еды становится всё более сложной. По своей сути это рукотворные риски, сотворённые из-за следования принципам неolibерализма. Их нельзя ни понять, ни минимизировать с помощью прежних рационально-прагматических подходов. Гуманистическая биополитика, опирающаяся на принципы космополитической этики, человеческий разум нацелена на то, чтобы управлять глобальными рисками питания мирового общества риска в контексте перехода к солидарному развитию цивилизаций.

Список литературы

Бек У. Космополитическая перспектива: социология второй эпохи модерна // Социологическая теория: история, современность, перспективы. Санкт-Петербург: «Владимир Даль», 2008. — 831 с.

Восленский М. С. Номенклатура: господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия, 1991. — 624 с.

Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004. — 120 с.

Губарев В. «Осетровые на Азове мы потеряли» [Электронный ресурс] // Правда.ру (дата обращения: 01.03.14).

Кравченко С. А. Становление сложного общества: к обоснованию гуманистической теории сложности. М.: МГИМО-Университет, 2012. — 306 с.

Лейбин В. М. Римский клуб. М., 1980. — 397 с.

Лотман Ю. М., Погосян Е. А. Великосветские обеды. Панорама столичной жизни. СПб.: Издательство Пушкинского фонда, 2006. — 320 с.

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, Хранитель, 2006. — 880 с.

Моисеев Н. Н. Быть или не быть... человечеству? М., Ульяновский Дом печати, 1999. — 288 с.

Олескин А. В. Биополитика. Политический потенциал современной биологии: философские, политологические и практические аспекты. М.: МГУ, 2001. — 423 с.

Печчеи А. Человеческие качества. М., Издательство Прогресс, 1985. — 312 с.

Поппер К. Открытое общество и его враги: В 2-х тт. Т. 1. М.: Феникс, 1992. — 448 с.

Поппер К. Открытое общество и его враги: В 2-х тт. Т. 2. М.: Феникс, 1992. — 528 с.

Похлёбкин В. В. Из истории русской кулинарной культуры. М.: Центрполиграф, 2002. — 451 с.

Сохань И. В. Особенности русской гастрономической культуры // Вестник Томского государственного университета «Философия, социология, политология», 2011. № 347. — С. 61–68.

Тинберген Я. Пересмотр международного порядка. М., 1980. — 416 с.

Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Колледж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010. — 448 с.

Anderson W. T. To Govern Evolution: Further Adventures of the Political Animal. Boston: Harcourt Brace Jovanovich, 1987. — 216 p.

Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity Press. 2010. — 192 p.

Blank R. H., Hines S. M. *Biology and Political Science*. N.Y.: Routledge, 2001. – 192 p.

Castells M. *The Rise of the Network Society*. Second edition. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. – 656 p.

Coveney J. *Food*. London and New York: Routledge, 2014. – 240 p.

DeVries R., Subedi J. (eds.). *Bioethics and Society*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1998. – 276 p.

Kjellén Rudolf. *Der Staat als Lebensform*. Berlin: Kurt Vowinckel Verlag, 1924.

Lemke Th. *Biopolitics. An Advance Introduction*. N.Y., London: New York University Press, 2011. – 158 p.

Lyson T. A. *Civic Agriculture: Reconnecting Farm, Food and Family*. Medford: Tufts University Press, 2004. – 160 p.

Meadows D. H., Meadows D. L., Randers J. *Beyond the Limits*. Chelsea Green: Post Mills, 1992.

Reiter H. *Unsere Biopolitik und das Auslangedeutschtum*. In *Das Reichsgesundheitsamt 1933–1939: Sechs Jahre nationalsozialistische Führung*. Berlin: Julius Springer Verlag, 1939. – 374 p.

Ritzer G. *The Globalization: the Essentials*. Wiley-Blackwell, 2011. – 368 p.

Risks and Challenges of Food: the Need for Humanistic Biopolitics

This article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Humanities, grant number 14-03-00710

Kravchenko Sergey Aleksandrovich

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of the Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University of the Russian Foreign Ministry). Vernadsky Prospekt, 76, 119454, Moscow, Russia; Senior Researcher, Institute of Sociology. Krzhizhanovskogo str., 24/35, build 5, 117218, Moscow, Russia. E-mail: sociol17@yandex.ru

Abstract. The paper looks into modern risks and challenges of food. The author believes that the roots lay in liberal biopolitics that originated from 17th century Europe and are based on principles of scientism, formal rationalism, pragmatism and mercantilism. During last century, this policy had undergone major changes to its character – it becomes globally networked and neoliberal. These transformations had only served to amplify risks and challenges of food, because now said principles of scientism, formal rationalism, pragmatism and mercantilism went global, spawning global social inequality, adding to social-natural turbulences, in particular by increasing production of genetically modified

products. To escape the systematic crisis of nutrition, we should not try to “cure” the global neoliberal biopolicy, but to switch to the humanistic biopolicy that will enable effective global food risk management against the background of unanimous development of countries and civilizations.

Keywords: biopolitics, biopolitical practice, the global agribusiness, genetically modified crops; openness, food, risks, bioethics, humanistic biopolitics.

REFERENCES

- Giddens Je. Uskol'zajushhij mir: kak globalizacija menjaet nashu zhizn'. M.: Ves' mir, 2004. — 120 s.
- Gubarev V. «Osetrovye na Azove my poterjali» [Elektronnyj resurs]. J. Pravda.ru (data obrashhenija: 01.03.14).
- Kravchenko S. A. Stanovlenie slozhnogo obshhestva: k obosnovaniju gumanisticheskoj teorii slozhnosti. M.: MGIMO-Universitet, 2012. — 306 s.
- Lejbin V. M. Rimskij klub. M., 1980. — 397 s.
- Lotman Ju. M., Pogosjan E. A. Velikosvetskie obedy. Panorama stolichnoj zhizni. SPb.: Izdatel'stvo Pushkinskogo fonda, 2006. — 320 s.
- Merton R. Social'naja teorija i social'naja struktura. M.: AST, Hranitel', 2006. — 880 s.
- Moiseev N. N. Byt' ili ne byt'... chelovechestvu? M., Ul'janovskij Dom pečati, 1999. — 288 s.
- Oleskin A. V. Biopolitika. Politicheskij potencial sovremennoj biologii: filosofskie, politologicheskie i prakticheskie aspekty. M.: MGU, 2001. — 423 s.
- Pechchei A. Chelovecheskie kachestva. M., Izdatel'stvo Progress, 1985. — 312 s.
- Popper K. Otkrytoe obshhestvo i ego vragi: V 2-h tt. T. 1. M.: Feniks, 1992. — 448 s.
- Popper K. Otkrytoe obshhestvo i ego vragi: V 2-h tt. T. 2. M.: Feniks, 1992. — 528 s.
- Pohljobkin V. V. Iz istorii russkoj kulinarnoj kul'tury. M.: Centrpoligraf, 2002. — 451 s.
- Sohan' I. V. Osobennosti russkoj gastronomicheskoj kul'tury. J. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta «Filosofija, sociologija, politologija», 2011. № 347. — S. 61–68.
- Tinbergen Ja. Peresmotr mezhdunarodnogo porjadka. M., 1980. — 416 s.
- Fuko M. Rozhdenie biopolitiki. Kurs lekcij, pročitannyh v Kolledzh de Frans v 1978–1979 uchebnom godu. SPb.: Nauka, 2010. — 448 s.
- Anderson W. T. To Govern Evolution: Further Adventures of the Political Animal. Boston: Harcourt Brace Jovanovich, 1987. — 216 p.
- Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity Press. 2010. — 192 p.
- Blank R. H., Hines S. M. Biology and Political Science. N.Y.: Routledge, 2001. — 192 p.
- Castells M. The Rise of the Network Society. Second edition. Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. — 656 p.
- Coveney J. Food. London and New York: Routledge, 2014. — 240 p.
- DeVries R., Subedi J. (eds.). Bioethics and Society. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1998. — 276 p.
- Kjellén Rudolf. Der Staat als Lebensform. Berlin: Kurt Vowinckel Verlag, 1924.
- Lemke Th. Biopolitics. An Advance Introduction. N.Y., London: New York University Press, 2011. — 158 p.
- Lyson T. A. Civic Agriculture: Reconnecting Farm, Food and Family. Medford: Tufts University Press, 2004. — 160 p.
- Meadows D. H., Meadows D. L., Randers J. Beyond the Limits. Chelsea Green: Post Mills, 1992.
- Reiter H. Unsere Biopolitik und das Ausländeutschtum. In Das Reichsgesundheitsamt 1933–1939: Sechs Jahre nationalsozialistische Führung. Berlin: Julius Springer Verlag, 1939. — 374 p.
- Ritzer G. The Globalization: the Essentials. Wkilly-Blackwell, 2011. — 368 p.